

дов работы. А костромичи у Погодина работают именно так,—по-старинке, почесываясь, куря, опаздывая, прогуливая и бесконечно болтая».

Здесь все неправда. Мы уже видели, что костромичи работают вовсе не по-старинке, что в их работе появляются новые стимулы, что к прогульщикам они относятся со всей суровостью, что артель костромичей в самом процессе стройки превращается в пролетарский коллектив, что их поднимает на большие дела могучая волна социалистического соревнования.

Неудивительно, что в изложении Ю. Юзовского очень важная в пьесе сцена Болдырева с костромичами выглядит лелепой и фальшивой: «Сезонники сорятся, является Болдырев, как «деус экс машина», и ликвидирует ссору». В толковании эстетствующего критика вмешательство начальника строительства большевика Болдырева в дела строительства издевательски отождествляется с появлением «деус экс машина»!

Конечно, закрыв глаза на огромную воспитательную работу, которую проводила и проводит в массах большевистская партия, нельзя понять закономерностей нашего развития,—остается лишь фальсифицировать самую действительность и драматургию, правдиво эту действительность отражающую.

3.

«Поэма о топоре» (1930 г.) начинается прологом. Перед занавесом — представитель театра с газетой в руке. Он обращается в зрительный зал: «Жесткая действительность. Сухие факты. Мы читаем газетный очерк». Репарка: «Читает».

Пролог является своеобразным связующим звеном между газетой и сценой. Очеркист как бы из рук в руки передает тему драматическому писателю. Драматург чистосердечно раскрывает перед зрителями происхождение своей пьесы из газетного очерка.

Само название пьесы было полемическим: «Поэма о топоре». Драматург как бы демонстративно утверждал поэзию обыденного. В повседневно он раскрывал героическое. В трудовых буднях советских людей он искал и находил новую драматургию.

«Что есть топор? — вопрошает один из героев пьесы. — Кусок стали. Мы говорим

дальше: что есть сталь? Сталь—это металлургическая проблема страны».

За малым встает большое. За фактами следует обобщение. Историю открытия нержавеющей кислотоупорной стали на Златоустинском металлургическом заводе драматург раскрывает как один из эпизодов героической борьбы советского народа за освобождение от иностранной зависимости.

Поэма—о топоре? Нет, о творческом трудовом подвиге рабочего класса, о простых советских людях, которые не только плавят сталь, но и сами переплавляются, сами закаляются в борьбе и труде, растут духовно, политически, технически.

Драматург избрал остро-драматическую коллизию, в которой полно раскрывается напряжение духовных сил действующих лиц. Марка стали, из которой делают топоры на Златоустинском заводе, не выдерживает испытания. Правительство вынуждено пойти на заключение договора с иностранным стальным концерном ДВМ. Выход один — научиться в кратчайший срок варить советскую высококачественную сталь. На решение этой задачи брошены все силы коллектива.

Если в «Темпе» драматург рисовал, главным образом, новое пополнение рабочего класса, вчерашних мужиков, и лишь бегло очертил фигуру кадрового металлста Крайчинина, то в «Поэме о топоре» кадровые потомственные пролетарии оказываются в центре пьесы. Сталевавар Степан, кузнец Евдоким, токарь Анка—вот кто главные действующие лица.

Талантливому мастеру Степану, потомственному уральскому сталевавару, удалось как-то случайно сварить чудодейственную нержавеющую сталь, но он, не придав тогда значения своему открытию, позабыл рецепт. Теперь ему предстоит при содействии инженеров, уже не полагаясь на волю капризного случая, планомерно искать и найти—непреренно найти!—секрет новой марки. «Сварим ее,—уверенно заявляет Степан, — в Америку занимать не пойдем».

Драматург сумел, таким образом, построить пьесу на такой жизненной ситуации, когда от простого рабочего человека, от его одаренности, настоячивости и самоотверженности зависит судьба большого коллектива, честь и жизнь завода, высвобождение страны от иностранной зависимости в одной из важнейших областей экономики.

В этой напряженной ситуации с особой силой проявляется сплоченность, сознательность, преданность пролетарского коллектива. Погодину удалось запечатлеть с большой эмоциональной силой кровную, личную заинтересованность рабочих в рождении нового металла. Посмотрите, как горько рыдает Степан после неудачной тринадцатой плавки, — а ведь он совсем не сентиментален, этот уральский паренек. Взгляните, как бурно радуется победе Анка, как несется она по цеху в порыве неудержимого ликующего счастья. Вы увидите личное горе, личное счастье.

В «Темпе», а затем в «Поэме о топоре» драматург в живых образах, наглядно и темпераментно воплотил новое, социалистическое отношение к труду, новые, неизвестные досоветскому обществу движущие силы.

Наше весть! — вот как формулируют рабочие свое отношение к заводу. В этом крепнущем могучем чувстве советского патриотизма, чувстве хозяев своего социалистического государства видит драматург истоки героического трудового подъема строителей. В этом видит он основу советских темпов, оставивших позади не только старые российские, но и хваленные американские. Даже кичливый мистер Каргер вынужден признать, что «такой рекорд невозможен в стране иного государственного порядка».

Ранние пьесы Погодина были одной из самых первых плодотворных попыток нашей драматургии воплотить новые отношения людей в процессе социалистического производства.

На вопрос инженера: «Вы, Степан, верите в успех этой выплавки?» Степан отвечает неопределенно: «Вроде верю, вроде не верю». Уверенности нет. Почему? Тебе учиться надо, сукин ты сын!—кричит на Степана инженер Кваша, восхищенный талантом молодого сталеваара. — За тебя, за дурака, миллионы рублей в любой стране заплачат. Ты же дал металл, всеми качествами превосходящий золото. Понимает ли это Степан? «Нет в нас культурного ума—факт», — сокрушается он. Но он не останавливается на этой горестной констатации факта. Недаром и он обращается к своему помощнику — бацкиру: «Ты, Имагуза, учись читать, писать... Математику подучи. Мастером будешь». И Имагуза,

совсем уже не молодой человек, отец пяти детей, вполне осознает необходимость учебы: «Плавка благополучно кончим, на школу пойдем».

Пафос учебы, пафос овладения техникой охватывает весь коллектив. Степан, передовой представитель рабочего класса, разумеется, не остается в стороне от этого движения. На собственном горьком опыте убеждается он в необходимости учиться,— он не может себе простить, что не сумел зафиксировать случайно найденный одинжды состав кислотоупорной стали.

В образе Степана Погодин показал мыслящего рабочего «Степашка, друг, ты же умница, подлец!»—воскикает восхищенный инженер Глеб Орестович. Степан еще многого не знает, но стремится узнать. Он работает в тесном содружестве с представителями технической интеллигенции. Драматург уже в начале первой пятилетки проследил истоки исторического процесса уничтожения противоположности между трудом физическим и умственным.

Степан не одинок в этом отношении. Кузнец Евдоким также решается, в содружестве с инженерами (заметим в скобках, что содружество не исключает иногда борьбы) сложнейшие технологические проблемы. А Анка? Разве она не учится, не растет каждодневно? Сегодня уже она употребляет такое выражение, как «подготовка технологического процесса». Вчера Анка этого выражения еще не знала. «Это мне вчера объяснили»,—признается она. Нет сомнения, что завтра она узнает много нового, чего еще не знает. Таков уж наш строй,—было бы стремление к свету, была бы пытливость, а знания будут. Будут!

Погодин так сформулировал задачу, которую ставил перед собой: «Тогда было своевременно и благодарно раскрыть ударничество». Молодому драматургу удалось именно раскрыть ударничество, а не просто проиллюстрировать это явление сценическими картинками. Поэтому-то Погодин задолго до зарождения стахановского движения сумел раскрыть такие черты советского рабочего класса, которые в своем развитии породили это могучее движение современности. Этим он обязан пристальному изучению жизни.

По погодинским героям равнялись, им стремились подражать. Придя на сцену из